

«Из всех насмешек судьбы над человеком – нет убийственнее безответной любви.»

© Максим Горький

[Год назад — 1993...]

Был полдень выходного осеннего дня — ещё по-летнему тёплого и ясного. Солнце мягко согревало зелёные лужайки, по которым носились дети.

За ними присматривали родители — тут и там мелькали лица, на которых читалось умиление. Зелёный парк с фонтаном привлекал очень многих, и люди приходили сюда семьями, надеясь отдохнуть от повседневных забот.

Но даже приди сюда толпы, он бы все равно нашёл её, узнал в чередё незнакомых лиц. Да, теперь они видятся не чаще нескольких раз в месяц, да, она навсегда связала жизнь с другим, однако он, куда бы ни пришёл, все равно будет её искать.

Укрывшись от зноя в тени раскидистого дерева, она не сразу заметила его, нежданного гостя: для этого пришлось подойти достаточно близко.

— Ну, здравствуй!

— О, Кария! — Аой оторвалась от книги, и на губах у неё заиграла сдержанная, но приветливая улыбка. Её скрытая печаль поразила Карию, сердце сжалось от тревожного предчувствия. Он вдруг ясно увидел, что Аой что-то гложет. Он хотел было спросить, что именно, предложить какую угодно помощь, но... не посмел. Они не настолько близки, чтобы так просто спрашивать о личном

— Месяца три прошло, да? Твоя поездка что-то затянулась, — робко заметила Аой.

— А, ну да...

Во сне он сотню раз представлял её тёплую улыбку, но стоило увидеть Аой наяву, и Кария понял, что не может толком взглянуть ей в лицо. Так было всегда, по крайней мере, последние восемь лет. И так всегда будет. Он не способен добиться её тёплой улыбки. Ни здесь, не наяву.

Застенчивость вечно мешала, путала мысли. Как и всегда, они встречались, обменивались приветствиями, а дальше он, Кария, лихорадочно подбирал темы для разговора, но, как назло, на ум ничего не шло, и тогда они тягостно молчали. Так было всегда. И так случилось опять.

Чтобы прервать неловкое молчание, он стал искать глазами хоть кого-нибудь, с кем ему будет проще заговорить. И ему повезло: на лужайке среди других детей мелькнула девочка с двумя хвостиками. Ещё совсем малое дитя, но Кария уже видел в ней красоту матери.

— Рин! — позвав её, Кария помахал рукой. Рин тут же его заметила, обрадовалась и

вприпрыжку заспешила к нему.

— Дядя Кария! Вы наконец вернулись! А вы привезли мне гостинцев? — Рин, перестань! Нельзя же так! — покраснела от смущения её мать, но Рин как будто не слышала. Глаза у неё горели от нетерпения. Кария ответил улыбкой и достал два подарка. Один он вручил Рин, и та выпалила:

— Ух ты, красотища!

Это была брошь из разного по размеру бисера, и она сразу же пришлась Рин по вкусу. Может показаться, что девочкам её возраста такие безделушки ни к чему, но Кария видел, что у Рин интересы не по годам.

— Спасибо, дядя Кария! Всегда знаете, что подарить! Я буду очень, очень её беречь!

— Ха-ха. Дядя Кария и сам рад, что тебе понравилось.

Он протянул руку и стал гладить Рин по голове, пока высматривал кое-кого другого, кому хотел вручить второй подарок. Но ее... нигде не было.

— А где Сакура?

Едва он спросил это, как с лица девочки исчезла улыбка. Рин как будто мысленно отстранилась.

Казалось, что не давно её заставили понять что-то ужасное, непреодолимое, но она все равно не понимала, поэтому решила не задумываться о таком вообще.

— А Сакуры... больше нет, — с пустым выражением лица и чуть монотонно ответила Рин. Затем, испугавшись, что дядя Кария спросит у неё ещё что-нибудь, бросилась в сторону и убежала к играющим на лужайке детям. Кария остался стоять как вкопанный. Сбитый с толку, он молчаливо, одним взглядом, спросил у Аой, но она... даже не поглядела на него. Она смотрела в сторону, в никуда.

— Её больше нет... что это значит?

— Сакура больше мне не дочь и не сестра Рин, — ответила Аой сухо, но твердо. Куда уверенней, чем сама Рин. — Она теперь в семье Мато.

Мато... Знакомая фамилия. До боли знакомая своими мерзостями. До отвращения. Настолько, что от одного упоминания сердце кольнуло так, словно его пронзали иглками.

— Зачем?. Как это вообще понимать, Аой?

— Для чего спрашиваешь? Разве самому не понятно, Тебе первому должно быть известно, она совсем отвернулась.

Ни следа приветливости.

Её голос стал бесцветным, а тон — очень холодным, все равно что сталь. — Мато нужен наследник с магическими способностями, нужен потомок настоящих магов. Тебе ли не знать об этом?

— Но как... как ты допустила?

— Так решил он. По старой дружбе удовлетворил просьбу дома Мато. Как-никак, он глава семьи... Моё мнение неважно.

И все равно Кария не мог понять, такое просто не укладывалось в голове. По старой дружбе? Вот так просто лишить мать дочери, разлучить сестёр?

Но Аой и маленькой Рин пришлось жить с этим фактом.

Такова судьба каждого, кто родился в семье магов. По таким законам они вут, и Кария знал о них не понаслышке

— И тебя это устраивает? — неожиданно со злостью спросил Кария. В ответ Аой лишь беспомощно улыбнулась.

— Я была готова к подобному, когда приняла предложение войти в дом Тосака и стать женой мага. Я смирилась со своей судьбой. Если связываешь себя узами с магом, то о простом семейном счастье можно и не мечтать.

— Кария уже собрался как-нибудь возразить, однако Аой вежливо, но решительно пресекла его попытки:

— В любом случае мы говорим о делах кланов Тосака и Мато. Ты ведь отрёкся от магического пути, и больше не причастен к нам, — закончив, она покачала головой.

Кария оцепенел. Он будто врос в землю, подобно корням великого дерева в парке. Внутри Карии всё сжималось от боли, от ужаса и беспомощности.

Он и Аой знали друг друга с самого детства, были все равно что брат с сестрой.

Будучи старше на три года, Аой всегда говорила с ним непринуждённо и порой ласково.

Они бережно хранили эти отношения и в детстве, и в юности, и когда Аой вышла замуж и родила двух девочек. Только теперь она захотела провести между ними черту. Указать трусу, где его место.

— Если будешь видеться с Сакурой, пожалуйста, позаботься о ней. Она ведь так к тебе привязалась.

Аой с преувеличенным вниманием наблюдала за Рин — та забыла обо всем, играла с другими детьми, как будто желала развеять печаль.

Но Кария то видел, как отчётливо проступали капли слёз в уголках Аой.

Она не могла их скрыть.

Кария стремительно шагал по тихим улицам подгорного района, которые, как он надеялся, больше никогда не увидит. Однажды он зарёкся здесь бывать, и даже если приедет в Фуюки, решил, что ни при каких обстоятельствах не пересечёт мост...

Прошло десять лет, а вокруг было все то же. Соседний Новый район стремительно развивался и рос, а подгорный как будто застыл во времени.

Каждая мелочь была точно такой же, какой Кария помнил.

Но ничего приятного, никаких светлых воспоминаний не осталось. В голове крутилась одна единственная фраза, которую он бросил Аой в лицо: «И тебя это устраивает?» О чем он вообще думал? Неужели ей и без того мало досталось? Такой грубости от себя Кария не ожидал.

Некогда он решил, что будет жить ниже травы и тише воды: никому не мешать, ни с кем не спорить. Ненависть и злость он оставил в этом застывшем по времени районе.

Стоило только уехать, и ничто больше не брало за душу. Любые мерзости и гнусности меркнут, если вспомнить, что ему, Карию, пришлось пережить в отчем доме...

С такой злобой он говорил разве что тогда, восемь лет назад. Причём сказал то же самое и в таком же тоне. Сказал Аой. Это случилось накануне дня свадьбы, когда она могла ещё не брать фамилию Тосака. Кария никогда не забудет её лицо в тот вечер.

Во взгляде — смятение, щёки порозовели от смущения. Она все пыталась подобрать какие-то слова утешения, что-то ему объяснить, но не смогла и просто кивнула. И Кария поддавшись её смущению и улыбке, отступил: «Я смирилась со своей судьбой. Если связываешь себя узами с магом, то о простом семейном счастье можно и не мечтать.»

Но это ложь, чистая ложь! Тогда, восемь лет назад, она принимала предложение от молодого мага в надежде, что наконец-то устроит своё счастье. Это читалось в её смущённой улыбке. Кария поверил, что с этим мужчиной она обретёт желаемое, поэтому и отступил. Подумал, что, может только в замужестве она будет счастлива.

Но как он заблуждался! Теперь Кария понимал, что совершил роковую ошибку.

Когда-то он и сам спутался с магией, испил эту горькую чашу до дна, после чего бросил клан, родного брата и уехал из города навсегда.

Но ужасы, которые открывает магия, никак не забыть. Кария пытался, сбежал куда подальше, а теперь, получается, недалеко ушёл.

К тому же отдал магическому миру не кого-нибудь, а самого важного человека. Сожаления терзали его душу.

Нет, не раз, а уже дважды он, как слабак, только и мог, что бросить Аой в лицо: «И тебя это устраивает?» А должен был восстать, смело сказать: «Такому не бывать!»

Если бы ему, Карию, хватило духу возразить. Аой бы наверняка ждало другое будущее. Не свяжи она себя узами брака, не подчинялась бы порядкам семьи Тосака. Жила бы себе тихой и счастливой жизнью.

И сегодня... если бы тогда, в парке, Кария возмутился, принялся бы проклинать чертовых Мато и Тосаку, Аой бы наверняка разозлилась, обругала его, даже прогнала за то, что сует нос

не в свои дела.

Зато ей не пришлось бы нести тяжкое бремя в одиночку, из последних сил сдерживать слёзы.

Кария не мог простить себя за то, что дважды совершил одну и ту же ошибку.

Поэтому он вернётся в отчий дом, вспомнит позабытое ужасное прошлое, и это станет его наказанием.

Только так он сможет искупить вину.

Да, встретиться лицом к лицу с тем, от чего он бежал все это время, от чего пытался уберечь свою ничтожную жизнь, — единственный способ.

Но на этот раз Кария взглянет страхам в лицо.

Солнечные лучи с трудом пробивались внутрь мрачной комнаты обставленной дорогой мебелью в европейском стиле.

На кожаном диване вальяжно сидел улыбчивый молодой человек, а напротив хмурый старик напоминающий оживший труп.

Его внешность легко могла бы напугать даже уверенного в себе мужчину появившись он внезапно в ночи, но это уже местные байки...

— Господин Мато, я узнал о маленьком слухе, и мне он показался столь примечательным и шокирующим... что я действительно был тронут вашей мудростью и добродушием. — изогнутая улыбка сочилась мягкостью и нежностью благовоспитанного учёного и казалась по настоящему искренней.

Но мелькнувшая мигом тень открыла хищный оскал, впрочем, это могла быть игра разума, так могло бы показаться обычному человеку.

Старик хитро прищурил брови и спокойной ответил, — Да, что же поделывать нам старикам доживающим свой век, молодёжь совсем разучилась уважать старших, безответственные и ленивые...

Молодой возразил, — И потому, вы старейший решились на такое богоугодное дело, приняли бедную девочку из семьи Тосака и даже согласились передать ей наследство клана Мато. Чем же так провинились ваши потомки? — и хотя он увещевал старика расслабиться, но тот лишь тихо цокнув продолжил:

— Да что там, вот например мой сыночек, — он трус и бесполезный кусок моей плоти и крови! Бросил всё и отправился по своим делам, видеть не желает бедного старика, хоть бы раз навестил мои старые косточки...

— Да... — мужчина бросил взгляд на тонкий обтянутый кожей скелет и решил умолчать о том факте, что виноват был сам Зокен.

Словно увидев нечто приятно мужчина хохотнул чем, вызвал удивление Зокена и дал пояснение, — Ох, простите мои плохие манеры, просто мне пташка нашептала о скором госте в этом поместье и он всенепременно захочет о много с вами поговорить, господин Мато Зокен. — на последних словах мужчина убрал тёплую улыбку отчего и без того мрачная комната словно погрузилась в холодильную камеру.

Мато хищно оскалился и догадавшись о госте прихватил трость, — Да, мой юный друг, ты верно прав об этом. Даже непочтительный отрок может принести большую пользу, если правильно его настроить... Я уверен, тёплый и уютный отчий дом согреет его разбитое сердце, ха-ха...

Молодой человек закатил глаза, — О, верно тут довольно тепло и уютно, особенно в той яме внизу...

— Пустяки! — отмахнулся мерзкий старикашка едва-едва передвигавший ноги.

Молодой человек поправил галстук и отряхнул брюки словно опасаясь жуткой заразы, — А ведь говорят, что люди не меняются... возможно некая их часть действительно не меняется, нет... люди просто довольствуются этим статус-кво боясь перемен... вы всё ещё слишком мягки, господин Мато.

Наблюдая за ушедшей фигурой, оставшийся сэр отрывчато бормотал. — Мне просто любопытно, сколь долго вы ещё готовы блуждать по этой земле, неужто желание так затуманило ваш некогда светлый разум?! — спокойно, с маленькой примесью жалости вздохнул мужчина.

Небольшая перепалка с прислугой у порога и без всяких церемоний Кария попал в гостиную, обстановка которой была до боли знакома (как и все в особняке Мато). Он уселся на один из диванов и стал ждать.

— Думается, я довольно ясно сказал, что не хочу больше видеть твою рожу, — процедил низкорослый старик усаживаясь в кресло напротив.

Перед Карией был глава семьи, Мато Зокен. Тщедушное тело с высохшими руками и лысый череп делали е похожим на мумию, однако в глубоко посаженных чёрный словно маленькие жемчужны глазах горело неугасимое пламя.

Непримиримый нрав и выправка старика давали тягостное, давящее впечатление — от этого старика пробирало до костей. Никто точно не за возраст Мато Зокена. В генеалогическом реестре значилось, что Кария и его брат являлись сыновьями этого старика.

Однако по странному стечению обстоятельств аналогичное имя было и у прадеда, и у прадеда его прадеда, что, казалось бы, невозможно.

Узнать, сколько поколений Мато Зокен держит бразды правления, не получалось ни у кого. А способы, которыми он поддерживает жизнь в ссохшемся теле, так омерзительны, что не стоит и говорить.

Кария презирал отца, видя в нем неуспокоенного призрака, чудовищное нечто.

— До меня дошли слухи, которые не пропустить мимо ушей. Оказывается, дом Мато дошёл до последней гнусности, — начал Кария издали. Он прекрасно понимал, что перед ним исключительно жестокий и могущественный маг. А ещё воплощение всех его страхов, всей ненависти и омерзения. Да, он боялся старика, и все же угроза смерти не могла уберечь Карию, заставить его говорить почтительно, без презрения. Именно эта храбрость, выросшая из отвращения, помогла ему когда-то пойти против отца, наплевать на семейные традиции, покинуть дом и вырваться на свободу.

— Ты забрал младшую дочь Тосаки. Это что, последняя жалкая попытка продолжить род Мато? Выслушав обвинения, Зокен свирепо вскинул брови.

— И это ты то пришёл меня попрекать? Посмотри-ка, кто пасть разинул! Тебе напомнить, по чьей милости будущее нашей семьи оказалось под угрозой? Сын этого никчёмного Бьякуи оказался начисто лишён магических цепей! Как будто проклятие пало на весь наш род! Но ты то, Кария, хоть и младше, а имел куда более подходящие таланты. Ты и должен был стать наследником, перенять наше древнее искусство, однако все псу под хвост! Вот наглец! Ты задумал загубить наш славный клан! — чем больше старик говорил, тем больше распалялся, и под конец чуть ли не с пеной у рта поносил сына.

Но Карию было все равно. Хмыкнув, он прервал отца:

— Хватит этой чуши, гнусный кровосос! Твои причитания яйца выеденного не стоят. Да плевать тебе, прервётся династия Мато или нет! Тебе нужно одно: протянуть где-то двести лет, а лучше — целую тысячу лет.

Похоже, он попал не бровь, а в глаз, и этим сбавил гнев старика. Зокен хищно ухмыльнулся. Это был оскал дикого зверя, в котором не осталось ни капли человечности.

— Ты погляди: как всегда, за словом в карман не полезешь. Любишь ты выплеснуть всё в лицо.

— Твоё, между прочим, воспитание. Так что громкими речами ты мне пыль в глаза не пустишь.

— Кхе-кхе-кхе... — вместо ответа из горла старика вышел влажный кашель. — А ты прав. Чего греха таить, я всех переживу: и тебя, и отпрыска Бьякуи. Может, и не одно поколение сыновей. Хотя сохранять это дряхлое тело день ото дня всё труднее... Но я буду стараться для дома Мато, ведь ему не требуются потомки. Лишь маги, дабы заполучить Святой Грааль.

— Так вот что занимает твои мысли... — Кария почти сразу догадался, что стариком овладела жажда вечной жизни. А что, как не Грааль, могло насытить его жажду? Именно поэтому зверь внутри Зокена Мато до сих пор не сдался — его вела надежда прибрать к рукам всемогущий артефакт.

— В следующем году шестьдесят лет ожидания подойдут к концу. Вот только никого для Битвы за Святой Грааль у Мато нет. Бьякуя обделён магическим даром и не сможет совладать со слугой. Даже командные заклинания он все ещё не получил. Ну пускай. Можем и пропустить четвертую Битву, ведь и через шестьдесят лет у нас будут прекрасные шансы на победу. У дочурки Тосаки с пелёнок проявились незаурядные способности. С таким ценным ресурсом можно надеяться на успех.

Кария прикрыл глаза и как наяву увидел силуэт Тосаки Сакуры. Это была слабенькая, хрупкая девочка, которая явно отставала в физическом развитии от сестры Рин, но везде и всячески старалась подражать ей.

Нет, Сакура слишком мала, чтобы нести бремя мага — участника Войны за Святой Грааль.

Прежде чем отвечать, Кария постарался подавить подступающую волну гнева.

В разговоре с Зокеном меньше всего надо полагаться на чувства. Иначе ни к чему хорошему это не приведёт.

— Значит, тебе нужен только Грааль. Тогда необязательно использовать девочку, — с намёком сказал Кария.

Старик чуть прищурился, подозревая что-то.

— К чему ты клонишь?

— Предлагаю сделку. Зокен. Я участвую в четвертой Битве за Снятой Грааль от дома Мато, а ты отпускаешь Сакуру. Казалось, старик немного удивился, но почти сразу с пренебрежением хмыкнул.

— Не мели чепухи. Чтобы овладеть нашим искусством, ты должен был тренироваться каждый божий день до сегодняшнего вечера. А теперь ты решил, что за какой-то год научишься командовать слугой?

— А как же тайное искусство нашего рода? Как же гордость, хваленные ручные черви? — Кария уставился на старика, стараясь глядеть глаза в глаза. Наконец-то игра пошла по-крупному. — Посади в меня гербовых червей. Как-никак, в моих жилах течёт грязная кровь Мато. Моё тело примет их куда охотнее, чем хрупкая девчонка из другой семьи.

Тут же лицо Зокена утратило всякое выражение, последнюю каплю человечности.

Теперь это был настоящий, образцовый маг.

— Ты что же, Кария... решил распрощаться с жизнью?

— Неужели беспокоишься, папаша? — Только теперь, похоже, увидел, что его сын настроен решительно. Он смерил Карию ледяным взглядом и глубокомысленно промычал.

— Надо признать, способности у тебя не в пример лучше Бьякуи. Надежда ещё есть. Гербовые и впрямь могут усилить твои магические цепи и за год состряпать из тебя неплохого мага. Возможно, достойного, и Грааль выберет тебя... Но я все ещё не знаю, что значит для тебя девчонка, раз ты пошёл на такое.

— Мато должны добиваться желаемого собственными силами, а не приплетать посторонних.

— А! Да ты, видать, сердобольный! — старик осклабился в злорадной ухмылке, которая поразительно точно передавала всю мерзость его души. — Знаешь, Кария... приплетать посторонних и правда не стоило, но что уж теперь? Тебе хоть известно, как давно дочурка Тосаки перешла под моё крыло?

Карию вдруг взяло отчаяние. Холодный ужас пробежал по венам. Сердце сжалось в груди.

— Дряхлый ты выродок, так всё-таки?..

— Первые три дня девчонка истошно вопила, аж спасу не было. На четвёртый притихла. Сегодня я опять бросил её в яму. Думал, дай проверю игрушку на прочность. И — надо же! — полдня червяки истязают девчонку, а та все ещё дышит. Наследие дома Тосака говорит само за себя!

Кария задрожал. Пылкая ненависть в один миг стала невыносимой жаждой крови: он хотел убить старика напротив.

Схватить за морщинистую шею и, напрягая каждый мускул, сжать крепче тисков.

Сдержаться было до невыносимого трудно, и все же Кария не стал пытаться. Он знал, что каким бы тощим и хрупким ни казался старик, сам он способен тут же ответить на нападение. Он маг, что значит убить одного человека в замкнутом пространстве откуда не сбежать, для него ничего не стоит. Получается, выступать открыто — сродни самоубийству.

Если Кария хочет спасти Сакуру, нужно идти на уступки. Зокен видел его насквозь и, кажется, наслаждался внутренней борьбой сына. Убедившись, что сопротивления не будет, он зловеще усмехнулся и проурчал:

— Ну? Теперь что скажешь? Черви облепили её с головы до ног, грызут весь день и всю ночь. Бедняжка, поди, уже повредила голову. Но если все ещё хочешь её спасти что ж, не стану возражать.

— Я не передумал. Делай своё чёрное дело, — после кроткого молчания бесцветным голосом заговорил Кария. Он не собирался давать другого ответа.

— Превосходно, превосходно! Примемся за работу как следует. Только учти: пока не покажешь результат, девчонке белого света не видать. Буду и дальше растить как полагается, — и старик зашёлся хриплым смехом. Похоже, играть чувствами Карики доставляло ему огромное удовольствие. Он упивался чужими беспомощностью и отчаянием.

— Видишь ли, в отличие от тебя, предателя, девчонка видится куда более перспективной кандидатурой. Я нацелился на успех в следующей Войне, поэтому готов так уж и быть, пропустить эту. Но если же ты, вопреки ожиданиям, сможешь принести мне Грааль... Ну что ж, я умываю руки. Само собой, в таком случае дочурка Тосаки мне будет ни к чему. Отмучается год и покинет сие гнёздышко.

— И ты сдержишь своё слово, Мато Зокен?

— Кария, сын мой, прежде чем подозревать меня, для начала выдержи испытание гербовыми червями. Побудь с недельку грядкой для моих питомцев, и, если не тронешься умом и не испустишь дух, тогда я, может быть, поверю, что ты сдержишь своё слово.

Выставив трость, Зокен опёрся на неё и с большим трудом поднялся с кресла.

Возвышаясь над сыном, он оскалился, показав в очередной раз свою дьявольскую натуру.

— Что ж, не будем откладывать дело в долгий ящик. Я приступлю к приготовлениям немедленно... Хотя... если вздумал идти на попятный, то это последний шанс.

Кария покачал головой. Все сомнения он давно отбросил. Однако пустив червей в своё тело, он навечно станет марионеткой Зокена и не сможет послушаться его. Зато так Кария пробудит незаурядные способности мага, и тогда Чаша выберет его как потомка основателей. Война за Святой Грааль единственная возможность спасти... Тосаку Сакуру.

На другое его теперь самое заурядное тело неспособно. Но платой за шанс станет собственная жизнь: если с Карией не расправятся другие хозяева и слуги, всего за год гербовые черви изглодают его так что он протянет не больше нескольких лет.

Ну да плевать. Он понимал, что спохватился он слишком поздно. Возьми он волю в кулак тогда, десять лет назад, и дочь Аой не пострадала бы, жила бы себе мирной жизнью с матерью.

Жестокая судьба, от которой он бежал, настигла ни в чем неповинную девочку.

Искупить такой грех невозможно.

Единственный путь хоть немного исправить ошибку — вернуть Сакуре положенное светлое будущее. В роли человека, а не мага. И для этого Карию надо убить шестерых соперников заполнить Святой Грааль.

Что ж... одного из них он убьёт с большой радостью. Того, кто послал Сакуру в этот ад. Наверняка у него на руке уже красуются командные заклинания.

«Тосака... Токиоми!»

Кроме тоски и вины перед Аой, кроме ненависти к Зокену, в душе Карию многие годы тлело ещё одно чувство, которое он старался всячески не замечать. Он жаждал мести. И теперь её огонь распался в его душе все больше и больше.

— Конечно, что только не сделаешь ради любимой... — с усмешкой пробормотал мужчина просматривающий эту сценку из другой комнаты с помощью фамильяра, мерзкий старик видел желание сокрытое внутри робкого сердца человека по имени Кария... и не чураясь различными гнусностями использовал его в своих корыстных целях.

Вот только куда приведёт это неразделенное желание... от этой мысли, губы мужчины растянулись в лукавой улыбке.

<http://tl.rulate.ru/book/88459/2823432>